МЕДВЕЖЬИ УГЛЫ

Шесть дней мы, участники экспедиции, тряслись по горным дорогам в отрогах Гиссарского хребта. Переваливали через перевалы, кружили по серпантинам, охали на ухабах и вглядывались в меняющиеся ландшафты: где там медведи? Мы ожидали встретить их на ночной дороге и до бесконечности готовы были слушать истории жителей горных кишлаков о встречах в яблоневых садах: «Съедают яблок за один присест килограммов семьдесят!».

Развелись

Об экспедиции в Гиссарские горы мы, три ташкентские журналистки, грезили несколько лет. Не меньше, чем кручи и ущелья, мечтали увидеть горные кишлаки с певучими названиями — Гилан, Куль, Сувтушар, Аммогон, Тамшуш. Они находятся вблизи Гиссарского государственного заповедника. А в нем водятся снежные барсы, горные козлы, медведи…

«Медведей развелось в горах столько, что спускаются к кишлакам», — однажды сообщил заместитель директора заповедника Владимир Худяков и рассказал прошлогоднюю историю о том, как медведь повадился разорять гиланское кладбище. Раскапывал свежие могилы. Местные жители слезно просили покончить с беспределом. «И что было дальше?» — «Медведь — животное краснокнижное, находится под охраной государства. Вот гиланцы и обратились в дирекцию заповедника».

Оттуда бумага отправилась по инстанции в Госкомитет Республики Узбекистан по охране

природы. С ходатайством из госкомитета наш собеседник отправился в отдел правительства, курирующий вопросы отстрела редких животных. Убедил, разрешение получил и прибыл с ним в Гилан. Ноябрьской ночью он и инспекторы дождались на кладбище прихода медведя и всадили пулю.
Эта история, как любая охотничья, казалась одновременно мрачной, эпической, героической и фантастической. Наверное, что-то в этой истории приукрашено. А был ли медведь? В общем, к истории о грозе горного поселения мы отнеслись с известной долей скепсиса. Но в следующую встречу с приехавшим в Ташкент экологом, ожидая рассказы про гиссарские чудеса, услышали еще более чудовищную историю. На днях медведь близ Гилана убил человека. Население встревожено. К заповеднику оно высказывает претензии, мол, создал для зверей условия, вот звери и развелись. Надо срочно проехать по горным кишлакам, чтобы опросить людей о ситуации. Убийца-медведь на одной жертве не остановится. «Значит, предстоит экспедиция?!»
Теплым сентябрьским днем мы мчались к Шахрисабзу. По сотке нас поторапливали: «Где вы там, отъезжаем!». Как ни хотелось в Шахрисабзе притормозить у стен Ок-Сароя, но экскурсию по историческим местам отложили в ожидании захватывающей поездки по горным дорогам. Загрузка в уазик много времени не заняла, и экспедиция отбыла к отрогам Гиссарского хребта.

Булут спит стоя

В кишлак, называемый Алматы из-за обилия яблонь, мы прибыли к ночи. Свет фар и кочки — вот и весь набор ощущений на подъезде. Кишлак мы пересекли по главной улице пару раз, решая производственные вопросы заповедника. Но о том, что она — улица, и главная, узнали лишь на остановке. Мимо нет-нет да проходили люди и животные. Луна была естественным и единственным фонарем. В ее свете округа казалась сплошным яблоневым садом, а бычий рык воспринимался как рык косолапого. Скорей бы в дом!

Дом Эргаша — начальника Танхазского участка заповедника — находился за горой, но тоже в Алматы. Откликнувшись на звонок с сотового телефона, он вышел встретить машину за пару километров и в ночи подсказывал крутившему руль Худякову особые прибамбасы трассы. Очевидно, что тут «Париж-Дакар» отдыхает. А медведи?
Рассказ Эргаша звучал как милицейская хроника: «В прошлом году они убили шестнадцать быков, в этом — пять. В кишлаке около двухсот домов, люди терпят убытки — и это плохо, но еще и опасно. Наглеет зверь. В саду в двух километрах отсюда знакомый привязал барана. Пришел медведь, притаился. Человек медведя не заметил, уснул. Медведь взял барана подмышку и унес».
В доме, где компания гостей и хозяев расположилась среди подушек и курпачей, происходили разительные метаморфозы в сознании. Если днем мы подшучивали над охотничьими байками, то теперь стало ясно, что не только в Гилане медведи распоясались. Добрый мишка только в сказках. Заповедник занимает более 81 тысячи гектаров. Где ближе, где дальше соседствуют с ним люди. «Было собрание в кишлаке. Я сказал на собрании, что надо или убирать медведя или убирать народ». Эргаш не шутил. Мы, приезжие, расспрашивали про зверя. Водится в отрогах Гиссарского хребта бурый

(белокоготный). Границ заповедника не признает. Но каждая особь старается придерживаться избранного для жизни участка, границы которого метит мочой и когтями на деревьях. Обитают в арчовых и лиственных лесах, редколесьях, среди скальных пород, на альпийских и субальпийских лугах. Обычно вниз мигрируют осенью, когда созревают в садах плоды. Любят не только яблоки и груши, но и грецкий орех, ежевику, боярку. В садах и нагуливают жир на зиму. А шиповник и жимолость поедают перед залеганием в берлоги, чтобы очистить кишечник.

Если медведи устраивают берлоги в скальниках, тогда размеры обиталища составляют от двух до шести и более метров. Но могут быть и земляные, под мощными корнями старой арчи. Такая берлога достигает двух метров в длину при высоте около метра. «Курпачой» для сони служит подстилка из сухой травы, мха, веток арчи, жимолости.

Потомство рождается с конца декабря до середины января. На грозных животных детеныши совсем непохожи: слепые, покрытые редкой шерстью, весящие чуть больше трехсот граммов. Через месяц они прозревают. Но в берлоге растут медленно, и по весне с весом в три килограмма еще совсем крошки. Зато к осени вес их уже раз в десять больше. Медведь, безобразничавший в Гилане, весил за триста килограммов, голову взвесили — 37 кило. Такие медведи живут по сорок лет. И, может быть, кто-то из них сейчас бродит близ дома Эргаша. Во всяком случае, его лошадь Булут, участвующая в купкары (козлодрании) и выигрывающая призы, упакованная во избежание простуды в несколько одежек, тревожно спит у дома стоя.

Волки выпали из «связки»

Утром мы увидели Булута, выглянув из окна. Он щипал траву. В ложбине шумела подвысохшая к осени речка. Безмятежная природа дарила ясный солнечный день. А в комнате без мебели, да и зачем она, когда есть цветастые курпачи, странным чужаком казался говорящий ящик. Он транслировал российский канал ОРТ, и хозяин прислушивался к чужой жизни. Позже мы убедились, что тарелка-антенна у дома — такой же обязательный атрибут, как загон для скота, есть практически в любом жилье в любом кишлаке. Где бы ни ездили, везде тарелки-антенны транслировали нездешние реалии. Про здешние мы пытались выпытать у профессиональных экологов за утренним чаем: «Почему медведь пошел к людям?» — «Упала численность волков», «Причем здесь волки?» — «Они составляли конкуренцию медведям. Меньше волков — больше медведей». Попрощавшись с семьей Эргаша, мы еще долго обсуждали в машине собрание в кишлаке и альтернативу: «убирать медведя или убирать народ». Может быть, волков вернуть?

Про волков было непонятно. Видавшее виды авто подкидывало на ухабах, и в это время мысли о странной связке хищников напрочь вылетали из головы. Тем временем парни, девчонки, женщины, не спеша, гнали в гору кто коров, кто овец. И было к ним чувство зависти: они — часть природы. Мы же были частью уазика и пытались рассудить со стороны, кто виноват, что связка распалась. Застряв в отаре овец, с интересом выслушали краткую лекцию командира про звенья одной цепи.

В ней были волки, медведи, снежные барсы, кабаны, сурки и прочие обитатели гор. Но постепенно частью природы становились отары. Тучных отар до полуторы тысячи овец прибавлялось, и гнали их пастухи все выше в горы. В пору существования ветлечебниц говаривали: паршивая овца все стадо портит. Если десять заболевали, резалось все стадо. Мясо под присмотром ветврачей клеймили и сжигали. Теперь ветврачей в горных кишлаках практически не осталось. Больной скот гибнет. Трупы не закапываются, они стали источником болезней для диких животных, и в первую очередь, для неразборчивых в пище волков. Если специально яду подсыпать, волк все равно проглотит. И такое было, раз драл овец. Медведь яд обойдет, ведь у него — чутье.
Он свободно преодолевает крутые скальные склоны, осыпи и другие труднопроходимые места. Он может быстро бегать, делать большие прыжки, преследуя диких животных. Обладая большой силой, он способен убить таких крупных животных, как корова, бык, ишак или лошадь.

На очередной остановке в отаре замдиректора заповедника вспомнил еще одну то ли быль, то ли байку. «Было дело, оказались мы с косолапым рядом. Он стал раскачиваться, пугая. Бежать от него нельзя. Я ему громко крикнул: «Иди отсюда!». Он и ушел». Мы запомнили сказанное как инструкцию, вдруг окажемся рядом, и бдительно оглядели склоны.
Как было на склоне у Гилана? Это и предстояло выяснить. Миновав кишлак Гиссарак, разделенный широким руслом, въехали в каменное ущелье. В ущелье долго тряслись по щебенке от камнепадов, пока, наконец, не начались «дачи» гиланцев — огороды и сады с неказистыми домишками. То у одной, то у другой дачи уазик тормозил, и вместе с хозяевами мы осматривали разваленные зверем в поисках мышей каменные ограды, обломанные ветки фруктовых деревьев. Люди говорили: «Раньше мы здесь ночевали, а теперь боимся: может и в три часа дня прийти. Несколько дней назад два соседа на склоне срезали черенки для лопаты. Увидев медведицу с медвежонком, бросились бежать в разные стороны. Одного зверь догнал и лапой — наповал».
Теперь зверь стал особо опасным. Он перестал бояться человека. Разрешения на отстрел нет, и сколько весит его туша и голова, неизвестно. Гиланцы огородили после прошлогоднего случая кладбище каменной стеной. Что думают про перспективы хозяйств, нам предстояло узнать в Гилане. Но это — другая история.
Наталия ШУЛЕПИНА
«Новый век», 15.10.2009г.
Этот материал Медвежьи углы — начало серии о кашкадарьинских горных кишлаках далее см.
2. Виды с гиланских крыш

3. Кто знает о Кульском Афрасиабе?
4. Зайдешь в пещеру, а там…

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

16.10.2009